

РОЛЬ ЛОКАЛЬНОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА (НА ПРИМЕРЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассмотрено понятие «локальное сообщество» с позиций общественной географии. Историко-географический подход позволил проанализировать динамику расселения старообрядческих общин на территории Оренбургской области, существенно повлиявших на формирование геокультурного пространства. Предложенная периодизация процесса эволюции этнокультурной общности старообрядцев, их быта, культуры и форм хозяйствования на фоне специфического ландшафта, основана на весьма подробном и малоизвестном фактологическом материале.

Ключевые слова: локальное сообщество, культурный ландшафт, старообрядчество, геокультурное пространство, историко-географический подход.

Культурное разнообразие является одним из условий устойчивого развития территории. Это связано главным образом с использованием опыта природопользования и традиционных знаний различных этнических групп, сохранения этнохозяйственной уникальности и самобытности, этнографического и культурного наследия России. В связи с этим научный и практический интерес приобретает географическое исследование этнокультурных групп. Такая попытка предпринята нами на примере изучения старообрядцев Оренбургской области. Актуализирует проблему тот факт, что мест компактного проживания старообрядцев в России осталось немного.

Статья посвящена малоизученному аспекту проблемы изучения историко-географической трансформации локальных сообществ в условиях полиэтничной среды и их роли в формировании культурного ландшафта (на примере старообрядцев Оренбургской области).

Главные задачи, поставленные автором, следующие:

- изучение самобытности старообрядческих общин;
- выявление и изучение основных факторов культурных трансформаций для оптимизации региональной политики;
- изучение особенностей природопользования во вмещающем ландшафте;
- изучение роли межкультурных отношений в трансформации этнокультурной общности в полиэтничном регионе.

Традиционная культура староверов претерпела за последние десятилетия радикальную

трансформацию, и это объективный и неизбежный процесс. Задача фиксации современного состояния небольших локальных сообществ является в этой связи как никогда актуальной.

Старообрядцы сформировали специфический культурный ландшафт.

Формирование и обустройство старообрядчеством этнокультурных ландшафтов прошло длительный исторический путь. Обширная и целостная территория, отдаленная от центра России в совокупности с природно-географическими условиями, малой плотностью населения, неосвоенными земельными ресурсами служила основой воспроизводства, сохранения локального сообщества, накладывала отпечаток на внутрихозяйственную организацию общности [1].

Теоретические и методологические основы исследования. Понятие «локальное сообщество» многоаспектно и тесно связано с большим количеством междисциплинарных исследований, что вызывает необходимость уточнения понятийно-терминологического аппарата.

Часто термин локальное сообщество характеризуется как одно из составляющих комплексного изучения того или иного ареала — локуса, с акцентом на определении роли природных условий в формировании особенностей населения (Ю. В. Бромлей, Д.Н. Анучин, Ш. Монтескье, Т.А. Бернштам, К. Риттер, М.В. Ломоносов, Н.Н. Чебоксаров, В.И. Козлов, В.В. Пименов, П.И. Пучков, С.А. Аругюнов, М.Н. Губогло, Р.Г. Кузеев и др.).

«Локальное сообщество», или «локэйл» в трактовке социолога Э. Гидденса выражает со-

пряженность конкретного природного ареала с пространством социального взаимодействия населяющей его группы людей. Локальное сообщество – это базовая составляющая социо-природного взаимодействия [2].

«Человек, – по определению Арнольда Тойнби, – достигает цивилизации не в результате высшего биологического дарования (наследственность) или географического окружения (имеются в виду легкие условия для жизни), но в качестве ответа на вызов в ситуации особой трудности, которая воодушевляет его сделать беспрецедентное до сих пор усилие». Он утверждает: «Суровая природа стимулирует человека к активности» [3].

Американские географы в понятие локальное сообщество включают три основных аспекта: набор социальных отношений, группа людей, реализацию отношений в конкретном месте, представляющем территориальный референт социальной и культурной специфики группы [2].

В настоящее время социологов и географов интересует качественная специфика локальных сообществ как сложная и развивающаяся система межэтнического взаимодействия, выстраивающая взаимоотношения с природной и социальной средой [4]. Основываясь на определении В.В. Куклиной, локальное сообщество старообрядцев в нашем исследовании можно рассматривается как часть социо-природной среды и культурного ландшафта (рис. 1).

Понятие локальное сообщество более конкретно, чем абстрактные термины «население» и «социум», используемые в географии. Во мно-

Рисунок 1. Локальное сообщество старообрядцев во взаимодействии с социо-природной средой и культурным ландшафтом.

гих исследованиях оно ассоциируется с традиционностью, семейственностью, религиозностью, стабильностью, гомогенностью этнического состава [4]. В нашем исследовании применительно понятие «общины», «общности», «локальной группы». По мнению Л.А. Файнберга, понятие «локальная группа» широко применяется в научной литературе для обозначения социально-экономических коллективов (общин) охотников и собирателей, осваивающих определенные территории [5, с. 24]. Этот термин применим к социально-изолированным группам, какими и являются старообрядцы. В связи с этим, локальное сообщество предлагается рассматривать в качестве объекта исследования общественной географии. В нашем случае объектом исследования является «локальное сообщество старообрядцев Оренбургской области».

Старообрядцы, в качестве объекта географического изучения, имеют ряд особенностей: разделение на множество толков и согласий, отсутствие церковной организации, что повлекло за собой существенные изменения образа жизни, замкнутость. Из-за необходимости скрываться выработался ряд особенностей в ментальности [6].

В зарубежной и отечественной географии для анализа взаимоотношений природы и локального сообщества наиболее разработанной является концепция культурного ландшафта [4]. В Западной Европе и США изучением культурного ландшафта занимаются определенные научные школы (американская школа Э. де Суза, Берклийская школа К. Зауера, немецкая школа О. Шлютера). О. Шлютер заложил основы ландшафтной парадигмы. Он трактовал понятие «ландшафт с позиций антропоцентризма как сочетание объектов, доступных человеческому восприятию с помощью органов чувств. Он же первым ввел термин «культурный ландшафт», противопоставив его естественному, первозданному ландшафту [7].

В отечественной географии первым ввел понятие о культурном ландшафте Л.С. Берг в 1913 г. Считая географию наукой хорологической также как и А. Теттнер, он вместе с тем писал: «Понять данный ландшафт можно лишь тогда, когда известно, как он произошел и во что он со временем превратится». Берг призывал изучать ландшафты как «развивающиеся пространственно-временные системы», в которых зало-

жена вся суть и цель исторического подхода в географии: от генезиса через развитие к прогнозу [8, с. 94]. Культурными ландшафтами он считал те, в которых человек и произведения его культуры играют важную роль [9]. Он утверждал, что воздействие человека на ландшафт очень существенно при организации хозяйства [10].

Первоначально культурные ландшафты либо отождествлялись с антропогенными, либо трактовались как одна из их разновидностей. В понятие «культурный ландшафт» включали его природную, измененную человеком первооснову и искусственные сооружения – объекты материальной культуры (А.И. Воейков, В.П. Семёнов-Тян-Шанский, В.И. Вернадский, А.Г. Исаченко, В.Л. Кабо, Ю.Г. Саушкин и др.) [7]. С 1980-х гг. началось переосмысление сущности культурного ландшафта. По мнению В.Н. Стрелецкого это связано с применением новых подходов в отечественной культурной географии. Прежде всего в понятие «культурный ландшафт» стали включать проявления духовной культуры, а затем и сам человек – носитель определенного типа культуры – стал «включаться» в него (Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова, Б.Б. Родоман, Р.Ф. Туровский, В.Л. Каганский) [7]. В.Л. Каганский культурный ландшафт представляет как самостоятельный объект на основе закономерностей пространственной самоорганизации человеческой деятельности. Он ввел и обосновал представление о «советском пространстве» и закономерностях его трансформации, организующих культурный ландшафт страны [11].

Заметное влияние на преобразование новой концепции культурного ландшафта оказала теория этногенеза Л.Н. Гумилева, в частности, его идеи неразрывной связи этноса с вмещающим («кормящим») ландшафтом [12]. Каждый этнос, по Л.Н. Гумилеву, возникает и распространяется в определенном кормящем ландшафте. Для русских это были речные долины, для финно-угорских народов – водораздельные пространства, для тюрков и монголов – степная полоса [13]. Характер этих ландшафтов влияет на формирование облика этноса, который во многом определяется внутренней структурой и стереотипом поведения. Стереотип поведения вырабатывается в процессе адаптации к природным условиям и передается путем «сигнальной наследственности» (набора подсознательных реакций,

выражающихся в мимике, жестах, поведенческих особенностях, культурных и мировоззренческих устоях, формах общежития и хозяйственной деятельности). Именно по стереотипу поведения этнос подсознательно определяет в собеседнике «свой» или «чужой» во вмещающей его географической среде [14], [15].

Благодаря процессу гуманитаризации отечественной географии формируются новые подходы к изучению культурных ландшафтов: этнокультурный (В.Н. Калущков), феноменологический (или герменевтический) (В.Л. Каганский), системный. Наиболее адекватное для нашего исследования определение «культурного ландшафта» представлено В.Н. Калущковым. В понимании В.Н. Калущкова культурный ландшафт – это «культура сообщества людей, сформировавшаяся в определенных природно-географических условиях, взятая в ее целостности» [16, с. 94]. В качестве основных компонентов культурного ландшафта он выделяет: природный ландшафт и природную среду; сообщество людей; хозяйственную деятельность (хозяйственно-культурные типы – земледельческий, промышленный, скотоводческий); языковую систему; духовную культуру; селенческо-расселенческую систему (селитьба). Культурный ландшафт понимается как природно-хозяйственно-этническая территориальная система [16]. Именно культура, по мнению А.Г. Исаченко «наиболее устойчивый показатель общности людей, в отличие от идеологических, политических и экономических показателей» [8, с. 231].

П. Хагетт, в своей работе «Общая география: глобальный синтез» рассматривает культуру как индикатор пространства. Культура по П. Хаггету – это «устойчивые стереотипы заученного людского поведения, с помощью которых основные понятия и представления могут быть переданы от одного поколения к другому или от одной общности людей к другой» [17, с. 143].

Дж. Хаксли дает определение ландшафтов и местностей («landscapes and pays») как наблюдаемого сочетания ментифактов (mentifacts), социофактов (sociofacts) и артефактов (artefactum). Выделение культурных районов может проводиться не только по комплексу явлений культуры, но и по отдельным компонентам (крытые мостики, церкви, поселения и жилища) [17]. Поселения и жилища наиболее существенные элементы материальной культу-

ры, являются необходимыми составляющими в развитии народа или его локальной группы.

В настоящее время выделяют несколько типов культурных ландшафтов: по степени культурных преобразований и по жизнеспособности ландшафта (целенаправленно созданные, естественно сформировавшиеся и ассоциативные ландшафты (объекты ландшафтной архитектуры, памятные места, места творчества и др.)); по исторической функции ландшафта (сельскохозяйственные, промысловые, сакральные и др.); по типу культуры (ландшафт усадебный, монастырский, традиционный сельский (крестьянская культура), городской (исторические кварталы); по природным характеристикам (низменный, равнинный, горный, лесной, луговой, степной, приозёрный, приречной, долинный и др.) [18].

Культурный же ландшафт, сильно измененный человеческой деятельностью трактуется как антропогенный, в котором ведущими признаками является рациональное ведение хозяйства и культурное природопользование (сельскохозяйственный, промышленный, водный, лесной, селитебный и др.) [19].

Таким образом, из вышесказанного можно утверждать, что культурный ландшафт понимается и исследуется как природный ландшафт, измененный человеческой деятельностью и дополненный ее артефактами [20].

Культура во взаимодействии с другими элементами географического пространства рассматривается как особое геокультурное пространство. «Геокультурное пространство» – концептуальная категория, характеризующая всеобщие и познаваемые формы существования геокультурных явлений, процессов и объектов (пространственно-временных проявлений культурогенеза), систему панорамных отношений между ними. Будучи неотъемлемой частью географического пространства в целом, представляет собой мир феноменов «второй природы», выступает рамкой, сферой, продуктом и контекстом человеческой деятельности [21, с. 67].

Наши исследования основаны на концепции геокультурного пространства (А.Г. Дружинин, А.Г. Манаков, И.Н. Корнев, В.Д. Сухорук) и используются идеи, связанные с проблемой изучения культурного ландшафта. Этнокультурный ландшафт является разновиднос-

тью культурного, их можно рассматривать как синонимы. Т.И. Герасименко такое соответствие представляется корректным, поскольку в той или иной степени таксоны этнокультурные соответствуют ландшафтным: ведь вмещающий ландшафт является экологической нишей для этнокультурных групп. Для области это – лесостепные и степные территории, расположенные на разной гипсометрической и тектонической основе [22], [23].

В контексте ряда наук интерес к различным аспектам старообрядчества менялся в зависимости от потребностей практического изучения, уровня накопленных знаний и развитости реторико-методологического аппарата.

Старообрядчество в научных кругах рассматривается, прежде всего, как этноконфессиональное и историческое явление, которое включало в себя часть российского народа, не желавшие принять церковных реформ патриарха Никона (П.И. Мельников-Печерский, Р.Г. Кузеев, И.В. Поздеева, А. Щапов и др.). В настоящее время изучены этапы становления и расселения старообрядческих общин на окраинных территориях российского государства (неосвоенные земельные просторы, вольнонародная колонизация) (С.А. Зеньковский, Р.А. Катунский, В.Ф. Миловидов, О.Н. Бахтина, Е.Е. Дутчак и др.). Учеными разных научных областей исследовавших южные территории Урала в конце XVII – начало XX века, выявлены социальные составляющие самоорганизации старообрядческих общин – территориальная, семейно-клановая и конфессиональная общность (П.И. Рычков, Е.С. Данилко, П.С. Паллас, В.М. Черемшанский и др.). В русле описательных методологий, этнографами изучались конкретные черты обрядности, одежды, быта и семейных норм староверов (Е.Ф. Фурсова, И.А. Кремлева, Г.Н. Чагин, Ф.Ф. Болонев, Ю.В. Аргудяева и др.). За рубежом изучению старообрядчества придается большое значение: анализируются особенности взаимоотношений поколений в семьях староверов, рассматриваются формы общения современных старообрядцев и старообрядчество характеризуется как особая культурная система (Р. Моррис, Р. Робсон, В. Рюк-Дравин, Р.О. Граммей и др.). По данной проблематике был защищен ряд диссертаций исторической и этнографической направленности: «Старообрядчество на Южном Урале: очерки

истории и традиционной культуры» (Е.С. Данилко, 2002), «Старообрядчество как объект миссионерской деятельности Русской православной церкви в Оренбургской епархии (1859–1917 гг.)» (А.Д. Камзина, 2004), «Старообрядчество Уральского и Оренбургского казачьих войск в период 1851–1917 гг.» (О.В. Ягудина, 2005). В рамках географической науки формирование геокультурного и конфессионального пространства рассматривалось в таких работах, как «Дифференциация геокультурного пространства Урала: методология и методика исследования» (Ю.П. Матвеева, 2006), «Структура и развитие конфессионального пространства Оренбургской области» (И.Ю. Филимонова, 2006), «География образа жизни: теория и практика регионального исследования» (Н.А. Щитова, 2005), «Пространственные закономерности культурного ландшафта современной России» (В.Л. Каганский, 2012) и т. д.

Проведенный автором анализ показывает наличие довольно широкого круга работ посвященных различным аспектам старообрядчества. Однако, отсутствие работ географической тематики создает проблемы в понимании эволюции старообрядчества в контексте вмещающей географической среды и оставляет целый ряд вопросов открытыми. Исследования автора в значительной степени опираются на материалы, полученные в результате собственных полевых исследований, выполненных на территории Сакмарского района Оренбургской области в 2012–2013 гг.

В работе были использованы; историко-географический (эволюционный), хронологический, районный, ландшафтный, геокультурный системный подходы; полевой, сравнительный, описательный, картографический, статистический, социометрический и социологический методы исследования, методы интервью, экспертных оценок, факторного и системного анализа.

Историко-географический подход позволил выявить специфику природопользования и проследить динамику расселения старообрядческих общин, а также формирование культурного ландшафта в Оренбургской области.

I этап – ранний (конец XVII–30-е гг. XVIII вв.). Этап характеризуется наличием на территории этносов, ведущих кочевой образ жизни, потомки которых проживают на территории региона до настоящего времени (башкиры, казахи, казачество) [22].

Старообрядцы составляли ядро казачества в исследуемом регионе (преимущественно поповцы). Они прибывали из Нижегородской губернии (Керженских скитов), с Русского Севера, а позднее с Дона.

Селились старообрядцы в этот период преимущественно в долине р. Урал в нижнем и среднем течении (территория Яицкого казачьего войска) [23]. Первые жилища на новых местах обитания были неприхотливыми, небольших размеров (землянки, станы или притоны). Позднее стали возникать постоянные казачьи «городки». «Сакмарский городок» (1725), в настоящее время село Сакмара, это самое старое русское поселение на территории Оренбургской области (устье р. Сакмара). Места, где основывалось новое поселение, были хлебородные и изобиловали лесом, как дровяным, так и строевым. За рекой располагались обширные пойменные луга, кустарники и лес. Яицкие казаки беспрепятственно получали отсюда лес и другие материалы, нужные для хозяйства, которыми было бедно яицкое войско. Сакмарский городок обносился земляным валом и деревянным частоколом. Характерно было скученность построек. Жилые постройки все деревянные, крытые тесом. Сакмарцы жили изолировано от прочих поселенцев Оренбургского региона [24]. Стремление изолироваться привело к формированию специфических обрядов и традиций. В качестве примеров можно привести наличие отдельной от мирян посуды, одежда старинного покроя, неприятие табака, ориентация на натуральное хозяйство. Старообрядцы не брили бороду, картофель и чай вошли в их жизнь очень поздно, долго не принимали вилок «Считая грехом». Долгое время существовал запрет фотографироваться. В характере старообрядцев сохранились черты, редко встречающиеся сейчас: патриархальный уклад в семье, чувство собственного достоинства, уважение младших к старшим, трудолюбие, отсутствие воровства и иждивенческих настроений, расчет только на себя, на собственные силы, ненависть к табакокурению, ругани и нецензурной речи [25].

В хозяйственно культурном отношении преобладает богарное земледелие в сочетании с отгонно-пастбищным скотоводством, рыболовством, а в культурно-ландшафтном – традиционно сельский (жилые деревянные постройки), лесокультурный (рубка и сплав леса по Сакма-

ре и Яику) и сельскохозяйственный (лугово-пастбищный, пашенный). Рыболовство в яицком казачьем войске составляло главный промысел всего казачьего населения [22], [26].

II – этап переселения староверов в рамках российской колонизации – с 1730 по 1917 гг. Этап характеризуется несколькими волнами переселений и сформированностью основ современной этнокультурной географии региона. Его можно подразделить на 3 периода:

В период первоначальной российской колонизации (с 1730 по 1790 гг.) распространение старообрядчества шло параллельно с процессами русской колонизации края, мощным толчком для которой в 30–40-х гг. XVIII в. стало построение Оренбургской оборонительной линии с центром в Оренбурге. Основанные населенные пункты строились как непрерывные системы укреплений (военные крепости, станицы, форпосты, редуты, хутора) вдоль рек Самара, Сакмара и Яик. Их жителями, наряду с уфимскими, самарскими, исетскими и яицкими казаками, а также выходцами из Заволжья становились и беглые старообрядцы. Все они составили впоследствии ядро Оренбургского казачества. В 1744 г. была создана Оренбургская губерния в составе Российской империи. Беглопоповщина была самой распространенной формой вероисповедания среди казаков [27].

Этот период предопределил начало формирования приречной системы расселения старообрядческих поселений. В середине XVIII в. казачьи городки, слободы, остроги все более теряют черты временных поселений. Казаки-старообрядцы укореняются и обживают заселенные ими районы. Использование природных условий для естественной защиты (высокий и обрывистый берег, непроходимый забор из колючих кустарников и др.) являлось одним из принципов строительства поселений. Наиболее архаичным типом жилых построек в рассматриваемый период являлась небольшая землянка «мазанка» с глинобитными полами, соломенной или дерновой крышей.

Хозяйство становится все более устойчивым и разносторонним. Казаки-старообрядцы наделялись землей и сельскохозяйственными угодьями. Немаловажное значение имело качество наделов, право на пользование озерами, богатыми рыбой, право вести промыслы ценнейших пород рыбы в Яике. Большая часть уло-

ва, за исключением идущего на местное потребление, вывозилось в центральные районы России. Одной из главных статей дохода казаков-старообрядцев была охота, так как в Оренбургских лесах и степях водилось много самой разнообразной дичи. В зависимости от территориального простора и обилия пастбищных угодий довольно широко было развито животноводство, прежде всего разведение лошадей, которое велось на основах степного косячного быта. Практически вся жизнь казаков-старообрядцев была непрерывной и довольно опасной сторожевой службой. Весь уклад жизни, весь быт был организован по-военному. Существовавшие тогда правила категорически запрещали выезжать на полевые работы без оружия. Нарушение этих правил нередко вело к трагедиям [24], [27].

В хозяйственно культурном отношении преобладает богарное земледелие на целинных землях в сочетании со стойловым и пастбищным животноводством, тонкорунным овцеводством, рыболовством, охотой, очаги поливного земледелия в долинах рек, а в культурно-ландшафтном – приречной-селенческий, сельскохозяйственный (лугово-пастбищный, полевой, пойменные и водораздельные леса), промысловый [22], [26].

В период активной российской колонизации (1790–1861 гг.) старообрядцы прибывали на территорию региона (Бузулукский, Бугурус-ланский, Оренбургский уезды) в составе переселенцев (русское православное крестьянство, украинцы, татары, мордва, чуваша) из центрально-черноземных губерний России, а также губерний Среднего Поволжья, Западной Сибири, средне- и североуральских областей. Большинство из первых старообрядческих поселений принадлежало к поморцам-безбрачникам (так называемым даниловцам) и к казанским староверам-федосеевцам (кулугурам) (Пономаревский, Шарлыкский район). В 1820 году на основанную в начале XIX века Новоилецкую оборонительную линию переселили казаков станицы Красноуфимской. Их разместили в форпостах Изобильном, Буранном, Новоилецком, Линевском, Угольном, и Ветлянском (Соль-Илецкий район) [27], [28].

В социально-экономическом отношении в первой половине XIX в. произошли существенные изменения, они коснулись и старообрядцев: расширились земельные владения, увеличилось

производство продукции сельского хозяйства, получили развитие торговые отношения с центральной Россией и средней Азией. Наряду с хлебом, главными предметами торговли были скот, кожа, масло, сало, рыба, соль, фабричные товары и разные домашние изделия. К одним из последних относились замечательные платки из козьего пуха. Пуховые изделия, преимущественно, принадлежали казакам и казакам-старообрядцам Орского уезда, и, частично, Оренбургского. Обилие трав и пастбищ создавали возможности для развития коневодства и скотоводства. На общинных землях паслись стада коров и овец, табуны лошадей, заготавливалось сено. Вместе с тем, правительство поддерживало и развитие хлебопашества [27].

Система расселения продолжала формироваться как приречная система размещения укрепленных поселений. Вновь устроенные русские и русско-мордовские старообрядческие поселения имеют более правильный вид, чем татарские и чувашские, с продольными и поперечными улицами и дома в них расположены с соблюдением общих для хозяев выгод. Преобладал среднерусский тип жилища. Срубное наземное жилище на невысоком подклете и с подполом, отличающееся от обычной тогда землянки. Крытый двор ставился сразу за избой или на некотором расстоянии от нее и сообщался с домом через сени. Крыша крылась деревом или соломой, встречались крыши глиносоломённые, дерновые и просто пластовые (земляные) (Бузулукском уезд). В безлесных уездах Оренбургской губернии крыши крыли соломой или камышом. К концу XIX века зажиточные казаки-старообрядцы стали крыть крышу железом [29], [30].

В хозяйственно-культурном отношении преобладает богарное земледелие на целинных землях в сочетании со стойловым и пастбищным животноводством, свиноводством, тонкорунным овцеводством, очаги поливного земледелия в долинах рек, а в культурно-ландшафтном – приречной-селенческий, сельскохозяйственный (лугово-пастбищный, пашенный), промысловый [22], [26].

Окончательное формирование географии старообрядческих общин в Оренбуржье произошло в период с 1861 по 1917 гг. Крестьянская реформа 1861 г. придала новый импульс колонизационным процессам вообще и переселению староверов в частности. Старообрядцы появля-

ются в центральных уездах Оренбургской губернии (поселок Благословенный, Нежинка и хутор Яковлевский) Оренбургского уезда. Важным фактором стало преобразование станичного управления, вводились две основные административные единицы: станица и поселок, которые соответствовали волости и сельскому обществу. Широкое распространение имели заимочная и хуторская формы землепользования. Тогда же начинается активное освоение жителями станиц ближайших территорий. Так, на притоках Сакмары и самой реке появляются казачьи старообрядческие хутора: Архиповский, Белов, Донсков, Еремин, Санков, Старцев (Дворики), Гребенский, Ждановский, Майорский, Янгизский. Промысловые заимки: 1-я Бондарева (р. Каргалка), 2-я Великанова (р. Янгиз), 3-я Скородумова (р. Салмыш), 4-я Плотникова (р. Грязнушка), Погодаева (озеро Красный Яр), Платона Сузакова (при колодце). Это были малодворные поселения, возникавшие из застройки одного казака-старообрядца или двух-трех, объединявшихся для удобства ведения хозяйства. Часто они были недолговечны и забрасывались при подыскании лучших участков [24], [27], [31].

Угрозы нападений кочевников в этот период уже не было. Поэтому данные поселения строились обычно на ровных, богатых лесом и водой местах, где можно было заниматься не только хлебопашеством, но и огородничеством и садоводством [24]. В хозяйственно-культурном отношении преобладает земледелие. Сеют пшеницу разных сортов, рожь, ярицу, овес, ячмень, просо, коноплю. Ведется оно по трехпольной и залежной системе. Земледельческие орудия весьма различны: употребляется соха с перекладной полицей или с деревянным отвалом, встречаются также и татарские сабаны, и малороссийские плуги, для жатвы используют машины (конные) и «жнейки», которые часто нанимают у немцев ближайшей колонии. Луговые травы косят «косилками» или «косами» (литовками). Огородничество существует во всех станицах и поселках. Огороды обыкновенно устраиваются возле реки и очень редко около домов. Это делается с той целью, чтобы избавить себя от излишнего труда при поливке растений. Огораживаются они обычно плетнем и редко жердями. Основные огородные культуры капуста, горох, редька, огурцы, морковь, свекла и лук. Картофель сажают в поле. Он стал возделываться весьма недавно и некоторые старооб-

рядческие поселения до сих пор считают употребление его за великий грех. На бахчах выращивали арбузы, дыни, тыквы. В некоторых уездах, посеv бахчей составлял источник дохода, в особенности в поселках по р. Илек. Садоводство получило начало с половины шестидесятых годов и в течение тридцати лет возросло в значительной мере, обращая малоценные земельные угодья в участки высокой ценности. Пчеловодство не особенно развито, хотя число лиц, в среде старообрядцев, занимающихся им между делом, было достаточное количество (Оренбургский, Орский уезд). Это объясняется близостью восковечных заводов, для которых «воск» – главный продукт этого промысла. Скотины старообрядцы держат немало, но количество ее определяется обыкновенно урожаем хлеба и сена в предшествующем году. Коровы довольно молочные: молоко и масло старообрядцы возят продавать в город, и это служит немалым подспорьем для их бюджета. Зимой некоторые казаки-старообрядцы занимаются охотой на волков и лисиц капканами и с оружием на зайцев. Молодые же «гулебщики» (охотники) весной во время пашни немилосердно истребляют диких уток и прочую водяную птицу, которую по обрядам старообрядцев можно употреблять в пищу. Из водяных птиц цаплю, гоголя и журавлей не едят, считая их нечистыми птицами [24], [27], [29], [31].

Для этого периода характерно было дисперсное и приречное расселение старообрядческих общин. Преобладал южноуральский тип жилищно-хозяйственного комплекса. Дома казаков-старообрядцев исключительно деревянные. Строительным материалом служит сосновая древесина. Величина домов различна от 1 до 5 комнат. У зажиточных казаков-старообрядцев до 2-х комнат разделенных холодными сенями. Такие дома называются «связями». Двор представляет обстроенный четырехугольник, определенный планом величины, который различными хозяйственными постройками или забором разделяется на два: передний задний. В конце XIX в. стали появляться «избы-пятистенки». Внутренняя капитальная стена давала возможность легко изменить величину отапливаемой площади в зависимости от морозной, ветреной или солнечной погоды, превращая дискомфортные помещения в подсобные. Курные (черные) печи были заменены печами с дымоходами. Двор был открыт и имел большие размеры. Так же строили шестистенки и дома-крестовики. Бурное снего-

таяние вынуждало делать высокий подклет. Для того, чтобы ослабить воздействие ветра, жилье растягивали по горизонтали, дома располагали перпендикулярно к улицам. Двор был полностью раскрыт и озеленен. Для сна летом появляется веранда. Оконные проемы были увеличены, присутствовали подполье и чердак. Дома были частично обмазаны глиной и побелены. Прямой солнечный свет хорошо выявлял мелкую детализировку ставен, наличников, столбиков террас и подкарнизных досок [29], [30].

Также в этот период происходит деление старообрядцев на различные толки и согласия. Большое значение имело строительство единоверческих церквей и молитвенных старообрядческих домов.

Доминирующий культурный ландшафт традиционно сельский, с преобладанием сельскохозяйственного, промыслового и сакрального.

III этап – советский (1917–1991 гг.). Основным содержанием этапа стал распад религиозных общин, «тайное» старообрядчество, массовое отдаление населения от религии. В первые годы советской власти, когда начали образовываться колхозы, старообрядческие поселения утратили свою былую однородность. В состав старообрядческих колхозов стали включать населенные пункты с представителями других национальностей. Границы ареалов со старообрядческим населением стали размытыми, контакты усилились. Ограниченная численность старообрядцев привела к необходимости межэтнических браков, в результате которых, будучи изначально русским явлением, старообрядчество, несмотря на известную замкнутость, распространяется среди нерусских народов. Часто встречаются русско-мордовские и русско-украинские старообрядческие семьи. Так же не редки межэтнические браки с татарами и казаками. Смешанные браки у старообрядцев преобладают с представителями «официального православия» (РПЦ), которые становятся доминирующими.

Определение четких границ расселения старообрядческих общин в это время является очень сложным процессом в связи со значительной чересполосицей, дисперсным расселением и формированием поликультурных ареалов. Капитальные жилища старообрядцев отражали региональную специфику и заимствования от других народов. В частности поселения и жилища старообрядцев имели незначительные различия по своей

структуре с поселениями и жилищами представителей официального православия. (Малодворные деревни уличной или свободной планировки; Срубное жилище с двускатной крышей, «русской печью» и подпольем). Жилища оренбургские старообрядцы строили из более дорогих материалов в связи с тем, что староверы были более зажиточны, чем другое православное население, однако внутреннее убранство было скромнее, чем они могли себе позволить. Хозяйственные постройки были более добротны и в большем количестве. А это, в свою очередь, объясняется, аскетичным образом жизни старообрядцев, которые в труде и молитве видели смысл своего существования, а потому много работали и практически не тратились на различные праздники и увеселительные мероприятия [32].

Этот этап характеризуется наивысшей степенью сельскохозяйственного освоения территории старообрядцами. Преобладала организация колхозов и совхозов: укрупнение сельских поселений (в том числе создание агрогородов) и сельскохозяйственных площадей, создание коллективных садоводств и полевых станков. Доминирующий культурный ландшафт – сельский, с преобладанием сельского хозяйства.

IV этап – постсоветский (с 1991 года). Религиозное оживление постсоветского периода охватило все имеющиеся в стране конфессии, не оставив в стороне и различные направления старообрядчества, в том числе и в Оренбургской области. Но за последние годы стала наблюдаться тенденция к спаду религиозной активности старообрядчества. Этот спад нашел свое выражение в снижении посещаемости верующими молитвенных собраний, уменьшении числа совершаемых обрядов. Не многие могут вспомнить, что их предки принадлежали к старообрядчеству, называют себя православными и посещают службы в новой церкви [33].

На современном этапе старообрядческие общины расселены дисперсно. В настоящее время поселения потомков старообрядцев представляют собой сёла, деревни, хутора. Наиболее распространённой формой населенного пункта являются села. Первоначально для сёл старообрядцев характерно было беспорядочное расположение жилищ, но в процессе перепланировки поселений начинает преобладать уличный тип. Сельские старообрядческие поселения имеют ряд своеобразных особенностей (искус-

ственное озеленение поселений, деревянная изгородь с наличием высоких, железных или деревянных ворот, двор делится на две части (передний, задний), на заднем дворе баня, к заднему двору, «задам», обычно примыкает огород, вход в дом оформляется крыльцом, на которое ведут несколько ступенек). Их наличие в облике сёл можно интерпретировать как сохранение этнической идентичности населением.

Этот этап является самым сложным в хозяйственно-культурном отношении. Радикальные изменения в стране и распад СССР привели к развалу сельскохозяйственных предприятий, запустению сельскохозяйственных земель, что привело к перестройке сознания людей от коллективного к индивидуальному. Сельское хозяйство старообрядческих этнокультурных групп в настоящее время ориентировано в основном на подсобное хозяйство (выращивают кур, уток, гусей, разводят свиней). Занимаются огородничеством и пчеловодством. Развиваются индивидуальные предпринимательские хозяйства, например, ООО «Софиевские колбасы» (Пономаревский район). Основной вид деятельности: производство мяса и мясопродуктов, дополнительный: разведение крупного рогатого скота свиней. Культурный ландшафт – селенческо-сельскохозяйственный.

Таким образом, процесс формирования локальной этнокультурной группы старообрядцев на оренбургских землях был довольно сложным, многоэтапным, сопровождался хозяйственно-культурным освоением территории и российской колонизацией.

В процессе образования локального сообщества участвовали представители других этнотерриториальных групп (украинцев, мордвы, татар и др.), что способствовало формированию своеобразной культурной группы, со своей определенной самобытностью и идентичностью в быту, хозяйственной деятельности, традициях, обычаях и т. д. Взаимодействие старообрядцев с другими этнокультурными группами несомненно оказывало влияние на их культуру, преобразовывало ее и вносило новые элементы.

Расселение старообрядцев, в полиэтничной среде, существенно повлияло на формирование культурного облика территории, который видоизменялся под воздействием различных факторов, в частности хозяйственно-культурного и культурно-ландшафтного.

25.04.2014

Список литературы:

1. Бунина, О.А. Ландшафтогенез казачьего геокультурного пространства в Ставропольском крае [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://geoeko.mrsu.ru/2010-2/PDF/Bunina.pdf>
2. Рагулина, М.В. Локальное сообщество и культурный ландшафт в современном мире // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – №6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/113-10893>
3. Гумилев, Л.Н. Об антропогенном факторе ландшафтообразования (Ландшафт и этнос: VII) // Вестник Ленинградского ун-та. – 1967. – №24. – вып. 4. – С. 102–112.
4. Куклина, В.В. Локальные сообщества Южной Сибири в полиэтничной среде: культурно-географический срез / В.В. Куклина; Отв. ред. Б.М. Ишмуратов. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2006. – 125 с.
5. Этнические и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов / под общей ред. Ю.В. Бромлея, С.И. Вайнштейна. Вып.: – М.: ИЭА РАН, 1995. – 216 с. ISBN 5-201-00865-8.
6. Носова, Я. Современное старообрядчество [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://klachkov.info/node/15>
7. Стрелецкий, В.Н. Парадигмы геопространства и методология культурной географии // Гуманитарная география. Научный и культурнопросветительский альманах. Вып.1. – М.: Институт Наследия, 2004. – С. 95–119.
8. Исаченко, А.Г. Теория и методология географической науки / А. Г. Исаченко. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 400 с.
9. Берг, Л.С. Предмет и задачи географии // Изв. РГО. 1915. Т.51. Вып.9. С. 463–475.
10. Саушкин, Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем / Ю.Г. Саушкин. – М.: «Просвещение», 1980. – 269.
11. Каганский, В.Л. Пространственные закономерности культурного ландшафта современной России. Автореф.... к.г.н. / В.Л. Каганский. – Москва, 2012. – 21 с.
12. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера [Текст] / Л.Н. Гумилев. – М.: Рольф, 2001. – 506 с. ISBN 5-7836-0347-3.
13. Лавров, С.Б. Гумилев и евразийство / С.Б. Лавров // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М.: Экспресс, 1993. – С. 7–19.
14. Гумилев, Л.Н. Сущность этнической целостности (Ландшафт и этнос: XII) // Вестник Ленинградского ун-та. – 1971. – №12. – вып. 4. – С. 97–106.
15. Герасименко, Т.И. Вмещающий ландшафт и комплиментарность этносов – основа формирования региональной идентичности // Вестник СПбГУ. Спецвыпуск. 2012. – С. 31–41.
16. Калуцков, В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения / В.Н. Калуцков. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 94 с.
17. Хаггетт, П. Общая география: глобальный синтез / П. Хаггетт, А. Скопин. – Harlow, 2005. – 352 с. ISBN 1 84479 388 5.
18. Веденин, Ю.А. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия / Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова // Изв. РАН, Сер. геогр., 2001 – №1. – С.7–14.
19. Мильков, Ф.Н. Человек и ландшафты / Ф.Н. Мильков. – М.: Мысль, 1973. – 223 с.
20. Каганский, В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии / В.Л. Каганский // Обзорение. – 2009. – №1. – С. 62–70.
21. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – 328 с.
22. Герасименко, Т.И. Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов / Т.И. Герасименко. Монография. – Санкт-Петербург, 2005. – 235 с.
23. Чибилев, А.А. Природа Оренбургской области. (Часть I. Физико-географический и историко-географический очерк). Оренбургский филиал Русского географического общества. – Оренбург, 1995. – 128 с.
24. Юдин, П. Городок Сакмарский (историко-этнографический очерк) / под редакцией Н.И. Маркова. Сочи-Сакмара: ОАО «Сочинское полиграфпредприятие», 2006. – 48 с.
25. Кан, В. Особенности культуры и быта старообрядцев Тувы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.tuva.asia/news/tuva/3159-staroobryadcy.html>
26. Атлас Оренбургской области / под ред. Г.А. Русскина. – М., Изд-во: Омская картографическая фабрика Роскартографии, 1993. – 40 с.
27. На рубежах отечества / под ред. Р.П. Коротина, И.Г. Павлычева, И.Г. Пьянкова. – Оренбург, Изд-во «Оренбургская губерния», 2003. – 303 с.
28. Каткова, В.В. Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX. Автореф... к.и.н. / В.В. Каткова. – Оренбург, 2010. – 34 с.
29. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложениями о домашнем быте Оренбургских казаков / сост. Ф. Стариков. Оренбург, Изд-во: Типография Б.Бреслина, 1891. – 249 с. [Электронный ресурс] Научно-образовательный сайт «Источник». – Режим доступа: <http://istok56.ru/images/stories/lit/lit9.pdf>
30. Ковалев, Е.М. Гуманитарная география России / Е.М. Ковалев. – М.: ЛА «Варяг», 1995 – 448 с. ISBN-5-87943-062-6.
31. Адрес-календарь и справочная книжка по Оренбургской губернии на 1888 год. Оренбург, Изд-во: Оренбургский государственный статистический комитет, 1888. – 330 с. [Электронный ресурс] Научно-образовательный сайт «Источник». – Режим доступа: <http://istok56.ru/images/stories/lit/lit9.pdf>
32. Виноградов, А.А. Старообрядцы симбирско-ульяновского поволжья середины XIX первой трети XX вв. (Основные черты хозяйства, материальной культуры, быта и семьи) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dis.podelise.ru/text/>
33. Данилко, Е.С. Казаки все вообще с женами и детьми суть старообрядцы... / Е.С. Данилко // Старообрядчество: история, культура, современность – М.: 2002. – С. 98–109.

Сведения об авторе:

Попова Оксана Владимировна, аспирант кафедры географии и регионоведения
Оренбургского государственного университета

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1407, тел. (3532) 372542, e-mail: osugeo@yandex.ru